Страшная тайна смартфона. Продолжение

Автор:
Алла Озорнина

Страшная тайна смартфона. Продолжение

Алла Георгиевна Озорнина

Страшилки

В новой книге Аллы Озорниной «Страшная тайна смартфона. Продолжение» виновник всех приключений – смартфон. Вернее, не сам телефон, а программа, закачанная в него. Каждому человеку для счастливой жизни не хватает каких-либо качеств: смелости, уверенности, дружелюбия. Программа отправляет хозяина смартфона в такую реальность, где он просто обязан проявить именно те качества, которых у него нет. В первой книге в игре оказались подростки – Никита и Рита. А сейчас в нее попал один из создателей учитель физики Юрий Николаевич. Теперь он Григорий Васильевич – дворецкий в великолепном доме золотопромышленника Ильина. Произошел сбой в программе, и игра развивается по неведомым правилам. Как Юрию Николаевичу вернуться домой? Непонятно. Придется жить в другой реальности. А это совсем не просто. У новоиспеченного дворецкого уже появились тайные враги, а ещё каждую ночь по дворцу бродит жуткий призрак…

Для среднего школьного возраста.

Алла Озорнина

Страшная тайна смартфона. Продолжение

Пролог

…По монитору компьютера забегали символы и спустя какое-то время остановились. ЧЕЛОВЕКА прошиб холодный пот. Неужели ему удалось сделать сбой в программе?

А ну-ка…

С замиранием сердца ОН нажал на клавиши, включающие доступ к видеоизображению, и от неожиданности вздрогнул.

То, что ОН увидел, превзошло все ожидания.

На экране высветилась одинокая фигура бородатого деревенского мужика, растерянно стоящего на мосточке посреди бескрайней степи. Мосточек был переброшен через речку, которая высохла, наверное, лет сто назад. На мужике была длинная синяя рубаха, подпоясанная веревкой ниже пояса, и широкие штаны, заправленные в сапоги.

Стоящий на мосточке рассматривал какой-то предмет.

ЧЕЛОВЕК присмотрелся – не смартфон ли? ОН почти вплотную приблизился к монитору – точно!

Ай да ОН!

Результаты превзошли все ожидания! В этом мужике никто не узнает учителя физики средней школы Березовского района, а это значит, что теперь его вообще никто не сможет найти! Никто и никогда!

Просто фантастика! Ведь еще каких- нибудь полчаса назад учитель и не подозревал, что еще чуть-чуть, и его отбросит на много лет назад, да еще и в совершенно чужом облике. Вот это работа!

Ура, ура, ура!

ЧЕЛОВЕК метнулся на кухню, открыл бутылку шампанского, достал фужер, но налить не успел – раздался телефонный звонок.

«Кажется, я знаю, кто это. Отвечать, не отвечать? Наверное, лучше ответить».

– Алло…

Закончив разговор, ЧЕЛОВЕК подошел к монитору и в недоумении замер. Что произошло? Вместо мужика на экране трехэтажное здание; распахнулась парадная дверь, и на крыльцо вышел солидный мужчина средних лет с пышными бакенбардами, в черном костюме-тройке и белоснежной манишке. Кто это? Лакей? Швейцар? Что это вообще за здание?

Спустя несколько минут, порывшись в Яндекс-поисковике, ОН уже знал, что это так называемый Ильинский дворец, построенный еще в конце XIX века сибирским купцом первой гильдии, золотопромышленником Евстафием Митрофановичем Ильиным. 20 лет назад этот дворец по неизвестной причине оказался объятым пламенем, в итоге от него почти ничего не осталось, кроме чудом уцелевшего огромного зеркала, торчавшего среди обугливших стен.

Совсем недавно дворец, хоть и не в полном объеме, отреставрировали, и теперь в нем располагается районный краеведческий музей.

Спустя минуту ЧЕЛОВЕК знал еще одну деталь: район этот соседствует с Березовским, в котором проживал ТОТ, из-за которого и пришлось пойти на преступление – взломать программу.

«А ну-ка, что это за Ильинск и с чем его едят», – подумал ЧЕЛОВЕК и, зайдя на сайт района, начал прокручивать ленту новостей, как вдруг…

«Из Ильинского краеведческого музея в очередной раз в прямом смысле этого слова сбежал только что устроившийся на работу ночной сторож. Причиной этого стало появление призрака, который, со слов охранника, выйдя из зеркала в два часа ночи, пытался его задушить. Редакция газеты отказывается комментировать произошедшее, добавим лишь, что это уже 15-й сторож, отказавшийся работать по ночам в музее.

Газета «Ильинская правда»

«Надо же, какая чушь», – подумал ЧЕЛОВЕК и расхохотался. Но, продолжая просматривать сайт, заметил, что аналогичные публикации повторяются, и довольно часто.

«А вот вопрос: если этот призрак выходит из зеркала, может ли он выйти, скажем, из смартфона?» – пронеслось в голове.

ЧЕЛОВЕК снова сел к компьютеру и начал наобум переставлять символы. Смартфон лежал рядом, и никакой призрак из него не появлялся. «Придет же дурь в голову», – подумал ОН, взял лежащий на столе гаджет и попытался войти в измененную им программу.

Приложение запускалось нехотя. И вот, наконец, запустилось. На экране опять появился мужик в синей рубахе, взгляд которого теперь был устремлен вдаль.

Вдруг ЕМУ показалось, что из смартфона поднимается тонкая струйка дыма, и в следующую минуту словно ледяной ветер ворвался в комнату. ЧЕЛОВЕК невольно разжал руку, гаджет с глухим стуком упал на пол, а струйка дыма стала превращаться в очертания, в которых угадывались голова, руки, ноги, просвечивающиеся на солнце ребра и лохмотья вместо одежды. Очертания становились все более четкими и все более близкими, и вот уже к горлу ЧЕЛОВЕКА тянутся длинные костлявые руки…

С криком ужаса он выскочил из квартиры и, не закрыв за собой дверь, помчался вниз.

…Когда спустя час ОН вернулся обратно, ничего особенного в комнате, в которой пару часов назад происходило нечто необъяснимое и ужасное, не было. На полу лежал брошенный им смартфон, ЧЕЛОВЕК поднял его с внутренней дрожью, вошел в программу и увидел все того же мужика в синей рубахе, который медленно брел по степи.

Часть I

Глава 1

Пройдя по дощатому мостику, перекинутому через высохшую речку, учитель физики Юрий Николаевич остановился.

Смартфон, который он держал в руке, показывал лишь 5 % зарядки. Юрий Николаевич выключил его, чтобы тот не разряжался, и начал засовывать в карман. Но что это? Карман оказался слишком большим по сравнению с прежним. И ткань на ощупь была вовсе не плотной джинсой, а чем-то более мягким. В следующий момент учитель обомлел: вместо привычных джинсов на нем были какие- то балахонистые штаны неопределенно- серого цвета, заправленные в сапоги. Вместо привычной футболки – темно- синяя рубаха, подпоясанная веревкой.

Взгляд упал на руки – и они оказались не его: огромные, с короткими мясистыми пальцами. Провел по лицу ладонью: вместо гладко выбритого подбородка наткнулся на окладистую бороду. А часы, которые ему подарило руководство школы за отличную работу, исчезли.

Что происходит? Юрий Николаевич невольно опустился на мосточек, пытаясь понять, где он, но не мог – никаких опознавательных знаков, кроме раскинувшейся перед ним бескрайней степи, покрытой свежей ярко-зеленой июньской травой, не было.

Но как он мог здесь очутиться? Ведь в созданной им программе перенос человека в другую реальность с таким низким процентом зарядки на смартфоне был просто недопустимым, а про то, чтобы это произошло с другого устройства, не могло быть и речи!

…Год назад Юрий Николаевич с московскими друзьями Вениамином и Павлом начал работать над тем, чтобы такой необходимый в наше время гаджет, как смартфон, еще и помогал людям развиваться. Расти как личность. Сам Юрий Николаевич был помешан на личностном росте. А ведь из-за жуткой загруженности нашему современнику порой не то что некогда сходить к психологу, но даже нет возможности подумать, что же он собой представляет. Поэтому в один прекрасный момент Юрий Николаевич и решил помочь россиянам познать себя. Его девизом были слова: не можешь – научим, не хочешь – заставим! Программа предполагала, что, считав информацию о своем

владельце, смартфон сам должен перенести его, в зависимости от проблемы, в совершенно другую среду – либо в прошлое, либо в будущее, либо в параллельный мир. Но о том, чтобы при этом менялась еще и внешность, не было и речи.

Пилотный экземпляр смартфона Юрий Николаевич отдал в киоск Березовки, в которой жил и работал, но сделал при этом огромную ошибку – не предупредил продавца, что владельцем этого гаджета может быть только взрослый. Никак он не подходил для детской неокрепшей психики. И вот, как назло, его приобрел врач скорой помощи Виталий Бронников для своего сына Никиты.

В итоге Никита и оказавшаяся с ним случайно одноклассница Рита Семикотова во время экскурсии по подвалу библиотеки были отброшены больше чем на 100 лет назад в дом предпринимателя Хохрякова. В наши дни в этом здании находится районная библиотека.

Юрию Николаевичу чудом удалось вызволить попавших в 1916 год учеников несмотря на то, что зарядка на смартфоне Никиты была на нуле.

Удивительно, что с момента вызволения им детей из «плена XX века» прошло, наверное, не более получаса, и вот теперь уже он неизвестно где, и главное, неизвестно кто.

Но как могло такое случиться? Может, это шутка?

Да нет, не может быть. Не могли так жестоко пошутить Венька и Пашка, да и зачем? Вход в программу только у них, выходит, постарались хакеры. На небе не было ни облачка, солнце палило изо всех сил, и спрятаться было негде.

Юрий Николаевич вспотел, рубашка прилипла к телу, и теперь возле него вилась назойливая ватага паутов[1 - Паут – другое название овода (прим. ред.)]. Один из них, самый наглый, уже впился в непокрытую часть руки. «Вот тебе!» – учитель изо всех сил хлопнул другой рукой обнаглевшее насекомое, но спустя минуту его собратья, почувствовав в Юрии Николаевиче вкусный завтрак, от всей души пировали, устроившись на его мокрой от пота рубашке, на спине, как раз на том месте, куда он не мог дотянуться.

Неимоверно хотелось пить. Юрий Николаевич готов был припасть к любому водоему, даже к малюсенькой лужице с грязной водой – но и этого поблизости не было.

«Интересно, – подумал учитель, глядя на шаткую деревянную конструкцию мосточка, на котором стоял, – кто, когда и зачем соорудил это рукотворное чудо посреди степи? Для кого оно?»

Он опять опустился на чудо и, буквально плавясь от неимоверной жары, дал себе слово выбраться отсюда, чего бы ему это ни стоило. В том, что рано или поздно это удастся, учитель не сомневался, хотя в данный момент даже не представлял, как это может произойти. Просто он знал закон Вселенной: если к чему-то очень и очень сильно стремиться, помощь приходит всегда. И нередко с той стороны, откуда ее не ждешь.

Глава 2

– Юра, где ты? – воскликнула вбежавшая в кабинет директора библиотеки учительница английского языка и она же – потенциальная невеста Юрия Николаевича, Екатерина Александровна. Увидев включенный компьютер, она не поверила своим глазам: комната была пуста. Только монитор, как ни в чем не бывало, светился голубым светом. Но ведь она прекрасно видела, как Юрий Николаевич только что сюда вошел! Екатерина Александровна спустилась на первый этаж. Праздник «Ночь в библиотеке» продолжался. По вестибюлю, как оголтелые, носились вурдалаки-младшеклассники, из подвала с бледно-зелеными лицами выходили те, кто только что побывал на своеобразной экскурсии, во время которой то и дело гас свет и в полной темноте появлялись светящиеся скелеты с пустыми глазницами, а висящие под потолком черепа срывались вниз. Под занавес экскурсантов ожидало еще и нашествие упырей, которые так и норовили впиться в шею каждому из них. Разумеется, все это были всего лишь спецэффекты, и тем не менее пребывание в подвале казалось жутким.

Наконец, в четвертом часу ночи народ начал покидать библиотеку, а Екатерина Александровна вспомнила: прежде чем пойти в кабинет директора, Юрий Николаевич взял в руки смартфон Никиты, чтобы в чем-то немедленно

разобраться и…. Неужели и он попал в какое-то другое время, как это произошло с Никитой и Ритой?

На этот вопрос мог ответить один- единственный человек – их общий друг – Вениамин Мальцев. Учительница английского достала гаджет и набрала номер Вениамина. «Хоть бы услышал, хоть бы ответил!» – проносилось в голове.

– Катя, ты? – донесся знакомый голос. – Что-то случилось?

– Веня, только ты можешь помочь!

– Что такое?

– Юра исчез!

– Как – исчез?

Екатерина Александровна в двух словах рассказала ему о том, что произошло.

– Такого просто не может быть, – по- слышалось с другого конца страны. – Юрка же сам ставил максимально низкий порог зарядки – 50 %, а телефон этого мальчишки вряд ли мог зарядиться так быстро. К тому же смартфон-то для Юрки чужой. Подожди, включу комп, войду в программу, посмотрю.

Повисла пауза.

– Ну что, что там? – нетерпеливо спросила Екатерина Александровна.

– Что-то не совсем понятное, – сказал Вениамин, вглядываясь в лицо мужика, сидящего на мосточке посреди степи. – Ну что, что? – нетерпеливо закричала в трубку Екатерина Александровна.

– Вот дела… – только и смог выдохнуть Вениамин. – Уж чего-чего, а такого я никак не ожидал.

– Ну что, что?

– Понимаешь, Кать, похоже, программа дала сбой. На экране какой-то бородатый мужик века этак XVII–XIX.

– И что, что этот мужик делает?

– А ничего. Сидит на каком-то мостике посреди степи и смотрит вдаль.

– Так может, это Юрка?

– Кать, но неужели бы я не узнал Юрку даже в таком странном виде? Разумеется, это не он. А вот где он… Кать, пока даже не догадываюсь. Что-то не то творится с программой. Может, вмешались хакеры? Но не волнуйся – мы с Пашкой все выясним и отыщем Юрку, где бы он ни был.

– Спасибо, Вень, – сказала Екатерина Александровна и заплакала.

Глава 3

И все же сколько бы Юрий Николаевич ни говорил себе, что нельзя впадать в уныние, уныние, казалось, само впадало в него. Неизвестность давила, и теперь все тренинги по личностному росту, даже самый ужасный – когда гроб вместе с ним опускали в яму, а потом еще забрасывали землей, – казались милой шуткой. Да, было страшно, но он знал, что через несколько минут его вытащат на поверхность и все страхи останутся позади. Но когда останется позади то, что происходит сейчас?

Шло время, а Юрий Николаевич все-то сидел на мосточке и размышлял, в какую сторону податься, уже не обращая внимания на паутов, которые атаковали его со всех сторон. В конце концов, размякнув на жаре, Юрий Николаевич даже немного вздремнул, несмотря на жажду и тягостные размышления. Да оно и понятно – прошедшая ночь была не только бессонной, но и нервной: сколько ему пришлось пережить, когда он узнал, что его ученики – Никита и Рита – застряли в прошлом и, похоже, навсегда.

Вдруг его как будто кто-то толкнул.

Он поднял голову, и взгляд уперся в какую-то точку. Точка была очень далеко, но еще совсем недавно ее не было вовсе. Мираж? – подумал Юрий Николаевич, боясь радоваться раньше времени. Отвел глаза в сторону и, набравшись терпения, смотрел несколько минут в бесконечную даль туда, где ярко-синее небо соприкасалось с ярко-зеленой травой. А когда снова перевел взгляд на то место, где только что была точка, то обнаружил, что она немного сместилась влево и, самое главное, стала больше!

«Неужели люди?» – осторожно предположил Юрий Николаевич и почувствовал, что слабости и сонливости как не бывало. Приблизившись, он убедился, что это тридцать мужиков, которые тащат что-то, похоже, из последних сил. Тащат в жару, по степи… Кто это, что они несут?

Кажется, какой-то огромный плоский деревянный ящик с ручками, и несут его не все сразу, а попеременно, разбившись на две партии. Позади шествия медленно тащилась лошадь с повозкой. «Первым делом попрошу попить, – подумал Юрий Николаевич, – а там видно будет, что делать».

Шаг, еще шаг… Наконец-то! Он пристроился к идущим и только собрался заговорить, как один из мужиков, который тащил за ручку странную ношу, его опередил:

– Быстро ты, Васильич, молодец! Поди, за тот бугор ходил? – и показал кивком головы на чуть заметную неподалеку возвышенность.

Юрий Николаевич понял, что Васильич – это он и что он отсутствовал почему-то буквально несколько минут. Решил ничего не выяснять, прежде чем не утолит жажду.

– Пить… – прохрипел он.

– Я тоже пить хочу!

– И я!

– И я!

– Так можа привал сделаем, а, Васильич? – предложил кто-то из мужиков. – Идем ужо сколько! С раннего утра!

И все почему-то стали смотреть на него с надеждой.

До Юрия Николаевича дошло, что, как ни странно, он в этой процессии главный.

– Привал, – согласился он.

– А че это, Василич, голос у тебя вроде другой, – спросил, мужик, который предлагал сделать привал.

Юрий Николаевич откашлялся, сделал вид, что и сам удивлен изменению в голосе, и ответил:

– А кто его знает… Поди, перегрелся. Ученые говорят, что от перегреву может быть всякое, с голосом неполадки, ну и другое… Перегрев – страшная штука.

Но больше, чем «изменения в голосе», его волновало то, что он – главный. Главный чего? Кого? Кто он? Кто эти люди и что они несут? Опять же – куда и кому? Остаток дня Юрию Николаевичу показался бесконечным. Шли почти молча, время от времени останавливаясь на короткий отдых.

– Слышь, Василич, как ты кумекаешь, мы туды идем, или же заплутались?

– Слышь, Василич, а когда мы придем?

– А нас точно покормят, а, Василич?

– А денег точно дадут, а, Василич?

Ни на один из вопросов у Юрия Николаевича не было ответа. И тогда он сказал:

– Ой, товарищи, помолчите, а? Голова трещит – сил нет.

И тут же кто-то спросил:

– Слышь, Васильич, а что такое товарищи?

Глава 4

Наконец воздух начал свежеть, жара спала – стало легче дышать, а Юрий Николаевич до сих пор и понятия не имел, что за драгоценный груз они несут.

Мужики поначалу казались чуть ли не на одно лицо, наверное, из-за того, что все с бородами, но вскоре учитель понял, что они различаются, и не только ростом, фигурой, походкой, голосом, но и носами, глазами, ушами, волосами… Учитель даже подивился своему первому, совершенно глупому впечатлению о схожести этих людей. Ну как можно было не заметить хотя бы особо ярких деталей: у одного нос так приплюснут, что почти сливается со щеками, у другого – напротив, похож на нос Буратино, у третьего рот скособочен, у четвертого – оспины на лице, и, наконец, у пятого такие огненно- рыжие волосы, что кажется, еще немного, и вспыхнут на солнце.

Отужинав хлебом и квасом, стали собираться на боковую. Примостившись на мягкой траве, Юрий Николаевич вдруг увидел, что несколько мужиков, собравшись поодаль в кучку, что-то разглядывают, недоуменно пожимают плечами.

«Не выронил ли я ненароком смартфон?» – пронеслось в голове у Юрия Николаевича. Полез в карман – и точно! Нету смартфона!

Моментально вскочил, подбежал к мужикам.

– Эй, что там у вас?

– Да вот, Васильич, – сказал парень с огненно-рыжей шевелюрой, вертя в руках гаджет. – Стоим и кумекаем, что это может быть.

– Это мое! – почти закричал Юрий Николаевич, и протянул руку к смартфону.

– Так че это тако-то, а, Васильич?

– Игрушка это. Заморская. Дочери подарок. А теперь – на боковую. Завтра рано вставать!

Вскоре со всех сторон послышался переливистый храп. А вот у Юрия Николаевича сон пропал. Он лежал и смотрел в почти черное небо с мириадами мигающих звезд.

«Что скажешь, Вселенная? – думал он, – Что я должен сделать, чтобы вырваться в свое время? Осознать, что где-то поступил не так? Совершить подвиг? Помочь кому-то в сложной ситуации? Кого- то спасти?»

Вселенная молчала.

«Только без паники, – приказал он себе. – И тут же вспомнились слова: «Делай, что должно, а там – будь что будет».

Вскоре усталость дала о себе знать, учитель повернулся на правый бок и почувствовал, как блаженная дрема охватывает его.

Глава 5

К счастью, уснуть Юрий Николаевич не смог. Лежал, думал, и вдруг услышал за спиной, тихий голос.

– Миха, а Миха, спишь? – похоже, говорил коротконосый. – Не-а, не идет сон, хоть глаза зашивай! – а это точно бас длинноносого.

– Слухай сюда! Я все же решил, Миха, не Васильич это, не-а!

– Почто так считаешь?

– Дак сам посмотри: игрушка у него ненашенская, я таких не видывал. Это – раз! Про дочь что-то кумекал – так ведь нет у Василича дочери. Это два. А ежели бы была дочь – чего бы он эту игрушку с собой таскал? Ну, про голос уже говорили: голос другой стал. Но разве, Миха, бывает так, чтоб человек по нужде сходил – и тут же голос изменился? Странно все это… И это – три.

– Хм… и правда, что-то не то. Слышь, я про игрушку: може он ее у моряка какого купил?

– Прям! Мы что с ними, чаи распивали, с моряками-то ентими? Взяли груз – и потащили. И ни с каким моряком он не балакал – точно говорю!

– А ведь правда…

– И еще, Миха это то, что Василич-то ничегошеньки не знает! Сходил по нужде – и все забыл!

– Точно!

– А еще, Миха, слова какие-то ненашенские говорит. Это, помнишь… Това… Това… Ну, типа товара какого-то! В общем, не Васильич это, не-а!

– Кто же тогда?

– Кто-кто – бес!

– Прям, бес! По виду-то не скажешь!

– Это только так кажется. Потому что бес-то внутри него, вот он ничего и не помнит.

– А когда вселился-то, ну это, бес?

– Че, сам не понимаешь? Когда по нужде ходил.

– А, ну да…

Юрий Николаевич еле сдерживался, чтобы не расхохотаться, слушая такую белиберду, но спустя несколько минут ему стало не до смеха.

– И что теперь?

– Ну что-что, душить придется.

У учителя похолодело в спине.

– Батюшки! А душить-то зачем?

– Так опасно с бесом-то идти. Мало ли что. Бес он и есть бес. Чего гляди, и в нас вселится, и мы бесами станем. Или заведет куда-нибудь.

– Может, все же повременить?

– Не стоит. Дело серьезное.

– А как будем… это…

– Как-как, нос и рот ему зажмем, пока все спят, вот и задохнется.

«Просто средневековье какое-то», – подумал Юрий Николаевич и приготовился сражаться за свою жизнь.

– Нет, постой, а че остальным-то скажем? Придушили?

– Ты че, дурак? Скажем, помер во сне, вот и все.

– Нет, постой. А может, лучше еще подумать, потом душить.

– Ты че? Мой отец говаривал: сделай сначала одно дело, потом берись за другое. Придушим, потом спокойно подумаем. Ну что, начинай!

– А че я-то? Ты придумал, ты и начинай.

В следующую минуту Юрий Николаевич увидел, как к его носу приближается огромная ручища. Схватил злоумышленника за запястье, тот от неожиданности завопил дурным голосом. А учитель, вскочив на ноги, закричал:

– Полундра!

Народ зашевелился, занервничал.

– Че такое?

– Землетрясение?

– Бандиты?

– Проснуться всем! – скомандовал Юрий Николаевич. – И сесть всем, кто проснулся. Все проснулись? Итак, товарищи, только что было совершено покушение на мою жизнь!

– Как это, Васильич!

– А так. Задушить кое-кто хотел, уже лапищу свою протянул…

– Ниче себе!

– И че?

– А нитче! Хорошо, что я уснуть не успел! А теперь вопрос ко всем: кто считает, что во мне поселился бес, поднимите руки! Ну!

Ни одной руки. Только со всех сторон растерянное:

– Да ты че, Васильич…

– Кто задушить-то хотел?

– Кто хотел – тот знает. Значит, товарищи, слушайте меня внимательно! Если от кого-нибудь что-нибудь подобное услышу – пеняйте на себя!

– Да ни в жисть!

– А вот просьба у меня ко всем будет большая. Несчастье у меня случилось, товарищи…

– Че тако?

– Так вот, я уже говорил, что от перегреву голос другой стал. Но это-то ладно. Самое страшное – память потерял, вот что. Ничего не помню!

– Так разве тако бывает?

– Редко, но бывает. По наследству передается. Так вот, у меня же и бабушка, и мать, и отец, перегревшись, теряли память. Вон, Петрович знает. Точно, Петрович?

– Да я вроде бы… – растерялся Петрович.

Юрий Николаевич поднажал:

– Ну ты че, Петрович!

– Точно! Вроде так.

– Ну надо же, как он бывает-то…

– Не дай Бог память-то потерять… Бедный Васильич!

– А потому, товарищи, прошу помочь мне до прихода в место назначения все вспомнить. Отблагодарю каждого, стопудово! Попрошу хозяина жалованье за работу увеличить.

– Да коли так, то конечно!

– А теперь спать. Спать сколько спится. Рано не вставать. Отсыпайтесь все!

– Вот это дело, Васильич. А то силы уже на исходе!

И, как оказалось, учитель все правильно сделал.

Поверили мужики: перегрелся человек со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Стало быть, нужно помочь.

И уже утром Юрий Николаевич наконец-то узнал, кто эти люди, кто он, куда они идут и что несут…

Глава 6

Из дневника Вилены Агеевой.

25 июля 1935 года.

Решила вести дневник.

Нет, начну с начала. Я – Вилена Агеева. Мне 13 лет. Я живу в поселке Березовка. Мне очень нравится Миша Полотенцев, но он не обращает на меня внимания. И я знаю, почему. Ведь всем известно, что пионер – всем ребятам пример. А каким я могу быть примером, когда я всего боюсь. И больше всего мышей, крыс, но особенно кладбищ (бр-р-р!!!) и темноты.

Учительница говорит, что каждый из нас должен работать над собой, чтобы стать для всех примером. Но – как?

2 августа.

Родители купили мне путевку в пионерский лагерь, только ехать далеко, аж до самого Ильинска.

Даже не знаю, хочется ли мне этого.

15 августа, утро, 12 часов.

Только что приехала из лагеря. Мне все-все-все понравилось, но особенно – экскурсия в дом пионеров в Ильинске, который находится в настоящем дворце. Этот дворец еще в прошлом веке был построен предпринимателем Ильиным. Как же там красиво! И, главное, много зеркал – все они в золотых рамах, а на рамах еще и завитушки. Когда я ходила по дворцу, мне казалось, что я попала к какому-то царю, правда. А когда увидела самое большое зеркало, то какое-то время даже не могла сдвинуться с места. Вот огромандное! Во всю стену! Тетенька, которая вела экскурсию, рассказала, что ходят слухи, будто из этого огромного зеркала иногда выходит злой призрак, поэтому в доме пионеров так часто меняются сторожа. И что мы не должны верить этим слухам, потому что это чушь и такого не бывает. И что у нас на шее повязан красный галстук, а это значит, что мы должны трезво мыслить. Так и сказала: трезво. Но вот когда она рассказывала про призрака, почему-то все время озиралась и говорила очень тихо. Мне показалось, что она сама боится этого призрака.

Еще она рассказала, что рядом с дворцом был огромный сад, в котором росли необычные деревья типа огромных папоротников и кактусов по два метра высотой, какие-то там лианы, ну, много чего еще. Также там были фонтаны, беседки, пещеры, сделанные мастерами из камней и ракушек, которые называются гротами. Во время жары можно было зайти в какой-нибудь грот и охладиться, потому что там всегда прохладно. Еще она сказала, что некоторые гроты были спрятаны глубоко в зарослях лиан и папоротников и их не так-то просто было найти.

Но сейчас этого сада нет. После революции некому было за ним ухаживать.

В лагере я почти забыла о Мише Полотенцеве, а теперь вспомнила и поняла, что все-таки он мне очень нравится.

Глава 7

Наконец, Юрий Николаевич узнал, кто он и где он. Мужики рассказали.

А когда узнал, то чуть было не свалился в обморок.

– Ты чего, Васильич? – спросил рыжий. – Белым вдруг стал.

Побелеешь, когда узнаешь, что из XXI века перенесся в конец XIX, а именно, в 1878 год!

А несут все драгоценный груз – огромадное зеркало (да похоже, и не одно) во дворец золотопромышленника Евстафия Митрофановича Ильина, с самой реки Яренги, куда груз этот был доставлен на пароходе аж из Франции. Вот почему длинноносый Миха и предположил, что Юрий Николаевич приобрел «игрушку» у кого-то из моряков.

Еще Юрий Николаевич узнал, что мужиков Ильин отбирал на конкурсной основе. Его же поставил главным, потому что он уже много лет верой и правдой служил у него… дворецким.

Это все было бы забавно, если б Юрий Николаевич хотя бы мог предполагать, когда Вселенная надумает подбросить хоть какой-нибудь шанс вернуться домой. Пока, судя по всему, не хочет…

За те две недели, которые учитель был с мужиками, в пути ничего особенного не произошло, разве что борода отросла еще больше. И еще ему не нравилось, что нет возможности чистить зубы, принимать по вечерам душ и менять нижнее белье. Остальные этим не заморачивались, видать, в конце XIX века не принято было соблюдать личную гигиену.

Тот, что с приплюснутым носом и который хотел его задушить, теперь и так, и сяк обхаживал Юрия Николаевича, исправно отвечал на все вопросы и уже на подходе ко дворцу отвел в сторону и просительно зашептал:

– Слышь, Васильич, ты уж шибко за меня не серчай, ну бес попутал, Васильич! Ты уж не забудь и обо мне слово молвить, чтоб жалованье-то побольше выплатили. Все-таки пятеро детей у меня, а, Васильич!

И вот наконец на горизонте появился белоснежный трехэтажный красавец! Мужики ускорили шаг, Юрий Николаевич, наоборот, немного поотстал: нужно было собраться с духом: что-то ждет его впереди?

Глава 8

Встречать долгожданный груз и тех, кто его доставил, вывалила вся челядь, а впереди стоял сам Ильин. Евстафий Митрофанович оказался точно таким же, каким был изображен на известном портрете. Заметив Юрия Николаевича, подбежал, окатив его ароматом дорогого парфюма, взял за плечи, вгляделся в лицо:

– Оброс, и не узнать совсем! Все ли нормально, любезнейший?

Юрию Николаевичу показалось, что он знает этого бородача с узкими голубыми глазами всю жизнь, и, отвернувшись, чтобы не дышать на него ртом с нечищеными зубами, сказал:

– Нормально. Мужики только устали шибко.

– Понятное дело. И все же завтра- послезавтра этим же составом ставить зеркала придется. Те, что поменьше, можно втащить через окно, а вот как внести огромандное, даже не знаю. Кое-кто, правда, предлагает разобрать стену. Как на это смотришь, любезнейший?

Юрий Николаевич, мигом прикинув все в уме, решил, что идея не из лучших. Попробуй потом собери эту стену.

– Не очень.

– А как, как лучше?

– Надо подумать.

– Думай ночь. Утром жду к себе в кабинет, доложишь! А сегодня отдых, баня и сон! Да, послушай, а что у тебя с голосом стало, любезнейший? Вроде бы, раньше грубее был.

Учитель растерялся. Что сказать? Придется выпутываться:

– Перенапрягся. Перенервничал. За мужиков переживал сильно – вот, видать, на голосе и сказалось.

– Да, слышал, такое бывает. В общем, завтра утром ко мне у кабинет, любезнейший!

Юрий Николаевич и не подозревал, что некто, стоящий совсем рядом, услышав их разговор, уже начал вынашивать какой-то план…

– Установишь зеркало – дам день отдыха, потом приступишь к своим обязанностям, – продолжал Евстафий Митрофанович. – Пока же, как и все предыдущие дни, тебя заменит Петр Кириллович.

Тот, кого назвали Петром Кирилловичем, мужчина средних лет с черными бакенбардами, в черном костюме-тройке с белоснежной манишкой, уже откуда-то вынырнул, уже приобнимал Юрия Николаевича, уже поздравлял с прибытием.

– Ладно, я за работу, – сказал Ильин, откланиваясь, – значит, завтра, любезнейший, жду с утра в кабинете.

Учитель тоже откланялся и растерянно посмотрел на Петра Кирилловича.

– Ты че, Василич, как будто с того света – своих не узнаешь! Умом, что ли, повредился?

– Что-то вроде того, – согласился Юрий Николаевич. – Солнце сильно напекло, память потерял. – И, чтобы не было уже вопросов про голос, добавил: – Да и с голосом что-то стало. Видать, тоже от солнца.

– Да, с голосом такое происходит, но это не беда – он постепенно восстанавливается. А память… По себе знаю, каково это память от перегрева на солнце потерять! Со мной ведь тоже однажды такое приключилось, когда в армии-то служил. А что, дело обычное, солнце ведь иной раз коварнее, чем женщина. Женщина что? Нет-нет, да и сделает вид, что верит тому, чему верить нельзя. А все для чего? А чтобы поиграть в кошки-мышки! Причем тот, кто мышка, даже не подозревает, что он мышка и что с ним просто играют. А играют для того, чтобы в один прекрасный момент раз – и расквитаться! Казалось бы, можно сделать это быстрее, проще, так ведь поиграть хочется! Правда, друг любезный?

На душе у Юрия Николаевича полегчало. Выходит, то, что он выдумал, бывает на самом деле! Правда, вторую половину тирады о женщинах, о каких-то играх в кошки-мышки совсем не понял, но на всякий случай согласно кивнул. Потом спросил:

– Ну и что, что ты делал, когда память-то потерял?

– Что-что, вопросы всем задавал, спрашивал, что это, а что – то. Ничего, вернулась память-то! Да так, что после армии сам Ильин меня камердинером к себе пригласил! Десять лет как ему служу. Так что спрашивай, глядишь, постепенно память-то и восстановится. – Ну что, пошли в твою комнату! Иди за мной. Сюда, поворачиваем, теперь – сюда. Ну, вот и пришли. Вот ключ от твоей комнаты, остальные верну, когда приступишь к работе.

Юрий Николаевич огляделся: довольно просторное помещение, в окно заглядывают, похоже, листья гигантского папоротника. У одной стены – кровать, платяной шкаф, у другой – письменный стол с канделябром на три свечи, стопкой бумаг и карандашом. Над ним – средних размеров зеркало, взглянув в которое Юрий Николаевич застыл, забыв, что он не один.

На него смотрело совершенно чужое лицо с густой бородой, ни капельки не похожее на его настоящее. Вместо небольших зеленых глаз – темно-карие, немного раскосые, вместо светлых волос со стрижкой «ежик» – черные, непокорные, торчащие в разные стороны. Нос, губы тоже заметно отличались от его настоящих. Телом Васильич был крупнее, крепче и гораздо шире в плечах Юрия Николаевича. Да и сильнее физически – это он испытал на себе, когда по несколько часов подряд вместе со всеми тащил тяжелую ношу.

В целом, новый облик Юрия Николаевича был более мужественным, более привлекательным, но ведь это был не он, не он! Одно радовало: голос остался тот же, и то хорошо.

– Что замер? Налюбоваться собой не можешь?

– Смотрю, какая бородище выросла, – с показной беспечностью ответил Юрий Николаевич.

– Это всегда непривычно, когда раньше ходил с гладким лицом.

Из этой реплики учитель понял, что бороду придется сбрить. И облегченно вздохнул: пусть с чужой внешностью, но без бороды все-таки лучше.

– Ладно, время идет, – сказал камердинер. – Ближе к делу. Ты ведь, поди, забыл, в чем надобно выходить на службу.

Юрий Николаевич молча кивнул.

Петр Кириллович подошел к шкафу, распахнул его, и учителю стало не по себе.

– Ниче себе, глазища выпучил! – засмеялся камердинер. – Теперь я верю, что от памяти у тебя совсем ничего не осталось! Слушай внимательно! В обычные дни надеваешь сюртук! – Он извлек висящий на плечиках длиннющий, чуть ли не до колена, черный пиджак. Юрий Николаевич даже представить не мог себя в таком одеянии. – К сюртуку вот эти брюки и белая рубашка.

Учитель кивнул – с брюками и рубашкой все ясно, но там, в шкафу, висело еще что-то, что это, зачем это висит?

– Это – фрак, – словно прочитав его мысли, пояснил камердинер, и извлек из недр шкафа очередной, довольно странный пиджак – спереди короткий, а сзади с длинными фалдами.

Конечно, подобную одежду Юрий Николаевич видел в кино, но себя в нем он даже представить не мог!

– Из кармана фрака всегда должен торчать уголок носового платка, – продолжал напутствовать Петр Кириллович. – А это, как видишь, брюки, которые надобно носить вместе с фраком.

Брюки оказались более-менее нормальными, но вот лампасы сбоку – брр…

– Смотри, как надобно одеваться перед выходом к гостям, – продолжал Петр Кириллович. – Сначала сорочка, потом, – он вытащил очередную деталь гардероба, – жилет, учти: он должен быть застегнут на все три пуговицы. Да, еще: с фраком носятся только черные лаковые туфли и черные носки!

«Мамочки! – подумал Юрий Николаевич, – Да это сложнее, чем физмат».

– А куда это… надевать? – промямлил он. – Этот жилет, фрак…

– Ну как, куда? На торжества всякие, на балы. Уж это-то ты помнишь: ежели будут прибывать гости, ты должен стоять в дверях, представлять их друг другу и приглашать к столу. Ладно, пойдем, покажу, где тут баня, бритвенные принадлежности – бороду-то надобно сбрить, да побегу по делам.

Бороду сбрить оказалось не так-то просто, зато когда лицо стало гладким, как яичко, учитель немного пришел в себя, расслабился, успокоился, но стоило ему, вернувшись в комнату, взглянуть на платяной шкаф, как внутри снова началась паника. А вдруг он перепутает и наденет завтра что-то не то?

Чтобы этого не случилось, он по свежим следам вытащил сюртук с сорочкой, положил на кровать и принялся за расчеты.

Глава 9

Считать пришлось всю ночь. И, несмотря на это, Юрий Николаевич нет-нет, да и вскакивал со стула, подходил к зеркалу и всматривался в свое новое отражение, к которому еще неизвестно когда привыкнет.

Больше всего ему нравился подбородок – массивный, волевой, и губы тоньше, чем его настоящие. По ним можно сделать вывод, что человек он упрямый, упорный и привык доводить начатое дело до конца.

И тут же почему-то вспоминались слова Петра Кирилловича о женщинах, что любят играть в кошки-мышки. К чему это он? Может, шутка такая?

Потом снова садился, продолжал считать. Непривычно было возвращаться к старому дедовскому способу прибавлять, вычитать, умножать и делить столбиком. Ну как тут не вспомнишь о калькуляторе, о всевозможных математических онлайн-программах, в которые стоит только загрузить исходные данные, как почти тут же на экране появляется точный ответ.

А какой может быть точный ответ сейчас, когда у Юрия Николаевича нет даже размеров дворца! Хорошо, помогла врожденная пространственная память. И к первым лучам солнца у него уже было несколько исписанных листов с доказательством того, что зеркало гораздо экономичнее и быстрее внести в здание через крышу, а потом спустить по широкой лестнице со второго на первый этаж (размеры лестницы он приблизительно запомнил с тех пор, когда был два года назад во дворце на экскурсии), нежели разбирать стену. К тому же второе было еще и опасно: вдруг повредится какая-нибудь несущая конструкция и – беда неизбежна! О таких случаях нет-нет, да и сообщают в какой-нибудь информационной телепрограмме.

В общем, считал Юрий Николаевич с упоением, самозабвенно, до самого утра!

А утром, обрядившись в одежду дворецкого – белую сорочку и сюртук, – двинулся в кабинет к Евстафию Митрофановичу.

– Проходи, любезнейший! – увидев в дверях учителя, произнес Ильин. – Дверь можешь не закрывать – кому интересны наши разговоры? Ну, что?

Ильин был одет гораздо проще, чем Юрий Николаевич – в темно-синюю рубаху, поверх которой был наброшен черный атласный жилет.

Учитель окинул помещение быстрым взглядом. Просторно. Ничего лишнего. Посреди кабинета, на полу, большая медвежья шкура. Над большим дубовым столом, за которым сидел хозяин, висел портрет Петра Первого, на столе – часы,

изысканный графин, рюмка, курительная трубка и глобус. У стены – секретер и шкаф с огромным количеством книг, все они были посвящены золотодобыче.

– Садись! Показывай, что получилось.

Учитель обошел шкуру, пододвинул массивный резной стул.

Достал листы бумаги с чертежами.

– Вот, Евстафий Митрофанович, я еще раз убедился, что лучше сделать так. Взгляните сами, – и он протянул ему листок с расчетами.

На лестнице послышались мягкие шаги – кто-то осторожно подбирался к кабинету. Подойдя к нему, остановился.

Ильин внимательно изучил бумаги, быстро вскинул голову – в голубых узковатых глазах вспыхнул радостный огонек:

– Знаешь, любезнейший, пока вы несли зеркало, я прикидывал, а что если тебе стать моим управляющим? Полагаю, справишься! Коли удастся тебе установить зеркало, не повредив его, да так, чтобы с рабочими ничего не случилось, да к балу как следует подготовиться – на другой же день и приступишь к новым обязанностям. – Юрий Николаевич отметил про себя, что голос у Ильина негромкий, скорее даже, тихий, но в нем столько силы, что он заполнял собой все пространство кабинета. – Согласен?

«Делай, что должно, а там – будь что будет», – вспомнил Юрий Николаевич и решил, что если так складываются обстоятельства, нужно согласиться.

И он согласился, и тем самым в очередной раз подписал себе приговор.

Мягкие шаги осторожно отошли от кабинета и быстро сбежали по лестнице.

– Но это потом, после бала, – продолжал Ильин. – Ровно через две недели. Ты пока поприкидывай, кого вместо тебя назначить. Я бы предложил Петра Кирилловича, как на это смотришь?

Юрий Николаевич кивнул.

– Как только закончится бал, а потом – званый ужин – шутка ли сказать, самое большое зеркало в мире не где- нибудь в Петербурге, Москве или в просвещенной Европе, а у нас, в Сибири, – двинусь в Америку, посмотрю, как там золото добывают, какие механизмы используют. У нас же все вручную да вручную – люди устают, выработка небольшая. Как уеду – так приступишь к своим обязанностям. А сейчас за работу – за разборку крыши, установку зеркала отвечаешь ты. Не дай Бог только повредить драгоценный груз!

Евстафий Митрофанович вынул из нагрудного кармана часы, открыл золотой корпус, сказал:

– Все, мне пора. На прииске Острый несчастный случай, надо разобраться. Помочь семье пострадавшего.

Вот тут-то Юрий Николаевич и заикнулся о повышении оплаты мужикам.

– Почему бы и нет? – сказал Ильин. – Хороший труд должен хорошо оплачиваться.

Спустя два часа Юрий Николаевич уже руководил разборкой крыши.

Глава 10

Дело двигалось! С утра необходимая часть крыши была разобрана, после обеда приступили к самому сложному: переносу на толстых веревках драгоценного груза с улицы внутрь дворца, да так, чтобы не было на нем ни единой царапинки.

Солнце к этому времени палило во всю мощь, по лицам рабочих стекал пот. Мучился от жары и Юрий Николаевич. Да еще сюртук, как ему казалось, сдавливает грудь, не дает дышать. С каким бы удовольствием он перелез из него в джинсы и футболку!

Поглазеть на необычное действо люд собрался, похоже, со всего Заречинска, образовав перед дворцом большую толпу.

Учитель руководил с земли, периодически отгоняя любопытных подальше от здания. Но это сейчас, а с утра он обсуждал с мужиками малейшие детали проведения операции – кто где будет стоять, что делать. Юрий Николаевич самолично проверил на прочность все веревки, при помощи которых будут поднимать и опускать зеркало, и даже в этом дурацком сюртуке полез на крышу, чтобы показать, какую именно ее часть надо разобрать. И поймал себя на том, что, будь он в своем настоящем теле, вряд ли сумел бы так ловко забраться на подобную высоту.

А когда начались работы, все-таки волновался: вдруг или кто-то не удержит веревки, или они порвутся, или случится еще какая-нибудь невезуха – и пропало, разбилось зеркало! И ведь не зря волновался: несмотря на то, что он сам все проверил, две веревки все-таки порвались, как будто кто-то их специально надрезал. Хорошо, что это случилось, когда зеркало было почти в зале, и мужики успели его подхватить, а то не миновать бы ему крупных неприятностей.

Но вот, похоже, самое опасное позади: зеркало, целое и невредимое, находится там, где ему и положено быть. Из окна зала высунулась рыжая голова и три раза прокричала УРА!

И это «ура» подхватила стоящая позади Юрия Николаевича толпа, и, похоже, он сам не удержался и тоже прокричал «ура» вместе со всеми, хотя от шока еще не отошел.

Теперь мужики снова полезли наверх укладывать на место разобранную крышу.

Юрий Николаевич немного расслабился, отвлекся, начал глазеть по сторонам. Неподалеку от него, прячась от солнца под расписными зонтиками, стояли две прелестные барышни. Одна из них в ярко-розовом платье с неправдоподобно тонкой талией и длинными светлыми локонами, спадающими на плечи, была похожа на ангела, спустившегося с небес. Голову ангела прикрывала аккуратная розовая шляпка с торчащими страусиными перьями – хороша, ох, хороша! Вторая и лицом, и нарядом была поскромнее – темные волосы прятались под светлую шляпку, платье небесно-голубого цвета без особых изысков. К груди она прижимала книгу – учитель напряг зрение, прочитал: «А. С. Пушкинъ». «Милая,

милая барышня, но просто барышня, не ангел», – подумал он.

Еще вчера Петр Кириллович рассказал Юрию Николаевичу о семействе Ильина. Жена его, Софья, умерла от туберкулеза три года тому назад, остались с ним дочь Лизавета, недавно помолвленная, причем, по большой любви, с молодым купцом из соседнего уезда, Дмитрием Семеновичем Стрельниковым, и племянница, которую он воспитывал с четырехлетнего возраста после того, как сестра его ушла в мир иной.

Юрий Николаевич загляделся на барышень, пытаясь определить, кто из них дочь, а кто – племянница Евстафия Митрофановича. Вдруг ахнула и подалась вперед толпа зевак, женщины закричали, запричитали.

Учитель поднял голову: парень с рыжими волосами болтался над землей, уцепившись одной рукой за край крыши. Но обошлось: мужики, что были рядом, подхватили бедолагу, подняли наверх.

К ногам Юрия Николаевича упал отвалившийся кусок бревна, по счастливой случайности никому не нанеся увечья.

Учитель подкатил к себе часть бревна, осмотрел: половина его оказалась подпиленной.

И тут же услышал сзади:

– Слышь, Васильич, здесь кто-то крепко зуб на тебя точит. Не буду говорить, кто, сам думай, только точно знаю, кто кому заплатил, чтобы тот веревки подрезал, да бревно подпилил.

Обернулся – увидел мужика с оспинами на лице, который тут же растворился среди зевак.

«Глупость какая-то, – подумал Юрий Николаевич. – Кто может против меня зуб точить?»

– Добрый день, – услышал он совсем близко голосок, похожий на журчанье ручейка. Обернулся и невольно замер: рядом с ним стоял ангел! Огромные

голубые глаза, обрамленные длиннющими ресницами, смотрели ласково и внимательно.

«Кто же это все-таки: дочь или племянница Ильина? – заметались в голове вопросы. – Как звать?»

От ангела исходил тонкий и нежный аромат дорогих духов.

Юрий Николаевич смутился, ответил что-то нечленораздельное, скользнул мимолетным взглядом по второй барышне, которая, улыбаясь, стояла в сторонке, и тут, на его счастье, кто-то из рабочих его позвал.

Глава 11

Тем же вечером, подводя итоги прошедшего дня и вспомнив лопнувшие веревки и подпиленное бревно, Юрий Николаевич пришел к выводу, что это вовсе не случайные совпадения. Кто-то с кем-то хотел свести счеты даже ценой чьей-то жизни. Кто и с кем?

И хотя мужик с оспинами (оспенный – как называл его про себя учитель) прямо сказал, что кто-то на него, Юрия Николаевича, зуб точит, никак не хотелось в это верить.

В конце концов он решил не зацикливаться на этом, успокоив себя тем, что, в целом, экзамен по установке зеркала, сдан. Увы, не на круглую пятерку…

На другой день у Юрия Николаевича был выходной.

Первую половину дня он ходил по Заречинску, после революции переименованному в Ильинск, любовался ровными прямыми улицами этого уездного городка, постоял в построенном Ильиным соборе и решил после обеда побродить по примыкающему ко дворцу ботаническому саду.

Сад начинался с уходящей вдаль сосновой аллеи, выложенной цветной плиткой. Пройдя немного, Юрий Николаевич свернул на одну из пересекавших аллею

тропинок и как будто попал из сурового сибирского климата в настоящие субтропики с вьющимися лианами, полянами с двухметровыми кактусами и зарослями огромных папоротников. Пели птицы, летали бабочки, на цветах сидели божьи коровки. Райский уголок, да и только!

То там, то здесь виднелись фонтаны и фонтанчики, резные лавочки, беседки, в одной из которых он увидел скромную барышню с книжкой в руках и множество искусственных пещер – гротов, сделанных из камней и огромных ракушек.

В общем, отдохнул Юрий Николаевич и душой, и телом и даже на время перестал думать о Вселенной, которая должна дать ему знак о возвращении обратно.

И, уже ложась спать, почему-то вспомнил двух очаровательных барышень: дочь и племянницу Ильина. И вдруг поймал себя на мысли, что, если бы ему довелось выбирать между ними, он выбрал бы первую даже несмотря на то, что вторая была ослепительной красоты. И не мог себе объяснить, почему.

Глава 12

– Что за чудо, этот Петр Кириллович! – не переставал удивляться и радоваться на другой день Юрий Николаевич. Что бы он без него делал! Ведь он понятия имел ни об обязанностях дворецкого, ни о внутреннем устройстве дворца!

Нет, ему просто везет на друзей. Взять хотя бы Веньку, который определенно ломает голову над тем, куда же занесла нелегкая его, Юрия Николаевича. Это в том случае, если программа почему-то вышла из строя. И ведь, скорее всего, так и есть, иначе почему вдруг такие чудеса с изменением внешности? Такого не должно быть, уж он-то знает! Торчат, наверное, с Пашкой, у монитора день и ночь. И даже если на нем высвечивается дворец, догадались ли они, что за внешностью дворецкого скрывается он, Юрий Николаевич? На всякий случай когда никого не было рядом, учитель, делал знак, известный только им троим, но успевали ли его увидеть – вот в чем вопрос.

И вот теперь появился еще один надежный друг – камердинер Петр Кириллович.

Именно благодаря ему Юрий Николаевич уже к обеду знал и о своих непосредственных обязанностях и кое-что об устройстве дворца.

Оказалось, что весь третий этаж, являющийся мансардой, занимал кабинет Ильина, и только. На втором этаже располагалась огромная библиотека с книгами на четырех языках, несколько спален для гостей, спальня Ильина, его дочери и племянницы.

На первом – кухня, столовая, несколько залов (для балов, званых обедов и ужинов, малая гостиная), комната дворецкого, камердинера, девичья и лакейская.

На самом деле помещений во дворце было гораздо больше, и с ними еще только предстояло познакомиться.

Что же касается обязанностей дворецкого, то их было довольно много. Как понял Юрий Николаевич, он здесь вроде начальника над всей прислугой, в том числе и над камердинером Петром Кирилловичем. Чем больше узнавал учитель о своей работе, тем больше ему становилось не по себе. Ну как, к примеру, он может руководить подчиненными, когда никого из них не знает (при этом, его как Григория Васильевича знают все), и понятия не имеет, кто что из них должен делать. В конце концов Юрий Николаевич решил поступить так же, как поступил с мужиками, когда тащил драгоценный груз: собрать весь коллектив и «честно» признаться, что перегрелся на солнце и теперь у него проблемы с памятью.

Местом проведения «собрания» Юрий Николаевич выбрал столовую для прислуги; в ней Евстафий Митрофанович время от времени устраивал бесплатные обеды для всех нуждающихся. Сюда-то и должны были подойти в три часа дня подчиненные дворецкого, все, кроме Петра Кирилловича, у которого были другие планы. Это, конечно, не радовало Юрия Николаевича, с камердинером он чувствовал бы себя гораздо увереннее. В назначенное время в столовой начал собираться народ.

Раньше всех пришли горничные. По тому, как они рассаживались, Юрий Николаевич понял, что отношения между ними непростые. А судя по взглядам, которыми обменивались некоторые из милых девушек, легко сделал вывод, что порой здесь кипят страсти, и нешуточные.

Потом подтянулись лакеи. Из всех них Юрий Николаевич отметил для себя троих: Степку – некрасивого, неловкого парня, который, казалось, не может сделать ни одного движения, чтобы чего-то не задеть, не разбить и не раздавить. Яшку – спокойного на вид, исполнительного и очень аккуратного – даже волосы на голове лежали у него волосок к волоску. И Петьку – высокого, худого, с длинным лицом и веселыми нагловатыми глазами. Не надо быть психологом, чтобы понять, что как раз из-за него и кипят страсти в стане горничных.

Позже всех пришли кухонные работники во главе с шеф-поваром Пьером. Оказалось, что Пьера Ильин выписал из Франции еще три года назад, и, несмотря на то, что контракт подходил к концу, Пьер не собирается возвращаться на родину. Прижился.

Из кухонных работников, кроме Пьера, запомнились двое: Пелагея – женщина низенького роста с преданным взглядом – и Варвара – деваха с воинственным выражением лица и гренадерским телосложением.

Глава 13

Юрий Николаевич решил, что пора начинать.

Сунул руку в карман, чтобы достать листок с планом выступления, и почувствовал слабость. Листка не было, вероятно, забыл у себя в комнате. Что делать? Он растерялся. Вся запланированная речь вылетела из головы.

Время шло. На Юрия Николаевича смотрели те, кому удалось оставить на время свои обязанности, а он молчал, не в силах собраться с мыслями. Наконец, решил хоть с чего-то начать и громко произнес:

– Товарищи! – и осекся. «Нет, не то», – подумал он. – Дорогие ученики! – Опять не то! – Коллеги! Друзья! – Кажется, то, что нужно. – Со многими из вас мы работаем вместе не первый год и хорошо знаем друг друга.

Сделав небольшую паузу, Юрий Николаевич продолжал:

– Но порой, чтобы оценить то, что дала тебе судьба, нужно попасть в экстремальную ситуацию. – По лицам некоторых учитель понял, что они не знают, что такое экстремальная ситуация, но решил не уточнять понятие этого слова и продолжал: – Как вы знаете, мне посчастливилось целый месяц нести в этот дворец драгоценный груз – зеркала. И вот тогда-то, в дороге, я и осознал, что всем нам несказанно повезло в том, что у нас такой замечательный хозяин.

Все дружно закивали.

– А ведь далеко не везде прислуга живет в таких условиях. Вы даже не представляете, какому насилию подвергается она в некоторых местах! – Тут он вспомнил информацию, которая совсем недавно попалась в Интернете. – Приведу пример: в 1902 году… – В столовой возникла странная тишина. – Ой, простите, в 1872 году в Яузскую больницу Москвы поступила 15-летняя девочка, которую истязали самым страшным образом…

По лицам подчиненных учитель понял, что никогда и никому из них не приходилось слушать столь умную, столь пламенную речь, и продолжал в том же духе, совершенно забыв о том, для чего он всех собрал.

Вдруг он поймал себя на мысли, что его повело не туда, что главного-то еще он не сказал, и решил срочно исправить ситуацию.

– И, наконец, самое основное, коллеги. То, ради чего я всех вас сюда пригласил. – В этот момент он почувствовал какой-то непонятный дискомфорт и не мог определить его причину. – Я, товарищи, попал в пути в ужасно неприятную историю и вынужден просить вашей помощи и вашего понимания.

Теперь в глазах слушателей появилось неподдельное любопытство.

– Дело в том, что пока мы несли зеркало, мне так напекло голову, что я почти потерял память. – Чувство дискомфорта усиливалось, в то же время язык, как будто перестав подчиняться хозяину, начал работать в автономном режиме. – То есть кое-что я помню – например, о девочке, о которой я только что рассказывал. Ну, у которой хозяйка вырвала почти все волосы. Нашел о ней информацию в Интернете и запомнил…

– А что такое Интернет? – спросил кто-то.

Юрий Николаевич взглянул в зал и понял, что стало причиной дискомфота: на него в упор, не мигая, круглыми, как у птицы, глазами смотрела женщина в темно-зеленом платье. Упиваясь своей речью, он и не заметил, как она вошла в столовую.

«Кто это? – пронеслось в голове. – Откуда взялась? Почему так смотрит?»

Он начал путаться.

– Ну это… газета такая… Попалась на глаза, пока мы шли…

– В степи попалась? – спросила напугавшая женщина, голос и манера говорить которой напугали его еще больше – они напоминали карканье вороны.

Юрий Николаевич вспомнил, что он здесь вроде начальника и что лучшее средство обороны – наступление, и сказал первое, что взбрело в голову:

– А вот у меня к вам вопрос, голубушка! Хорошо, что вы пришли, и теперь ответьте мне, пожалуйста, что вам мешает продуктивно работать?

И в очередной раз понял, какую сморозил глупость.

Теперь растерялась женщина и покраснела так, что, казалось, светлые кудряшки, спадающие на круглое лицо, тоже стали красными. Какое-то время она молчала, потом вскочила с места и громко закаркала:

– Продуктивно? Это вы мне говорите? А сколько раз я просила вас разобраться с Петькой, чтобы он на ночь вставлял желтые свечи! И что же? Вы разобрались? Нет! Он по-прежнему вставляет белые! И знаете, почему?

– Нет… – растерянно ответил Юрий Николаевич, потому что первый раз в жизни слышал о том, что существуют еще и желтые свечи и что именно их надо вставлять куда-то на ночь вместо белых.

– Вот-вот! А я – знаю! Потому что белые огарыши стоят дороже, чем желтые! Как пойдешь на рынок, так этот тип эти белые огарыши и продает!

Петька, о котором шла речь, сидел, развалившись на стуле, и безучастно смотрел в потолок. Но после последних слов взвинтился:

– Че болтаете-то? Какой рынок? Продаю огарыши, видите ли! А кто работу мою делает?

– Степка делает! Думаешь, я не замечаю, как ты приплачиваешь ему за это? И ведь вам, Григорий Васильевич, я об этом не раз говорила, и что? Скажете, что опять не помните?

Юрий Николаевич от растерянности в очередной раз забыл, что он должен напомнить, что остался без памяти, и промямлил:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Паут – другое название овода (прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.me/ozornina_alla/strashnaya-tayna-smartfona-prodolzhenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити